

НОВЫЙ ГРАД

под редакцией

И. Бунакова и Г. Федотова

12

ПАРИЖ

1937

Содержаніе :

От редакціи	3
<i>Прот. С. Булаков.</i> — Жребій Пушкина	19
<i>М. Бердяев.</i> — Христіанство и революція	48
<i>Г. Федотов.</i> — Христіанин в революціи	62
<i>С. Блосзеров.</i> — Четвертая сила	79
<i>Н. Херасков.</i> — Аура чаемой Россіи	102

Идеи и жизнь :

<i>Мон. Марія.</i> — Под знаком нашего времени	115
<i>Е. Извольская.</i> — Французская молодежь и проблемы современности	122
<i>Рауль Рей-Альварес.</i> — Опыт Ван-Зеланда	131
<i>В. Пшиболдши.</i> — Теорія соціального кредита	137

От Редакции*)

Почти год отдѣляет выход двѣнадцатаго номера «Нового Града» от его предшественника. Мы еще существуем. Европа не взорвалась, не погибла в пожарѣ новой войны. Это уже огромное достиженіе. Его значительность подчеркивается тѣм — конечно, скорѣе психологическим, — фактом, что сейчас военная опасность кажется болѣе отдаленной, чѣм год тому назад. Как объяснить это новое оптимистическое настроеніе? Никакого замиренія Европы не произошло. Лига Націй потеряла послѣдніе остатки своего престижа. Почти всѣ страны лихорадочно вооружаются. Но среди этих вооружающихся стран с недавняго времени первое мѣсто заняла Англія. И это сразу измѣнило соотношеніе сил. До сих пор вооружались агрессоры — народы мечтающіе о новом раздѣлѣ міра, народы, лелѣющіе войну как высшій принцип жизни. Против них стояла, хотя и вооруженная, но недостаточно сильная Франція. Англія умывала руки, стараясь сохранить нейтральное положеніе в континентальном конфликтѣ. Германія крѣпла и становилась все болѣе вызывающей. Когда весной 1936 года она заняла своими войсками демилитаризованную Рейнскую зону, при молчаніи или даже сочувствіи Англіи, это нанесло престижу Франціи непоправимый ущерб. Франція сразу потеряла, если не симпатіи, то вѣрность своих союзников в Центральной и Восточной Европѣ. Это паденіе французскаго престижа напрасно было бы приписывать политикѣ Народнаго Фронта. Занятіе Рейнской зоны произошло при «правом» кабинетѣ Фландена. Внѣшняя политика Франціи — как и Англіи — мало зависит от смѣны политических настроеній внутри страны. Но паденіе французскаго престижа за послѣдній год — факт печальный и несомнѣнный. В числѣ

*) Изложенныя в настоящей статьѣ мысли болѣе подробно развиты в статьѣ «Год борьбы», напечатанной в первой книжкѣ «Русских Записок», выходящих в Шанхаѣ.

первых реагировала Бельгія, разорвав союзныя отноше-
нія, связывавшія ее с Франціей и Англіей, и заняв пози-
цію сторонняго зрителя. Одним из послѣдствій новаго со-
отношенія сил было ослабленіе системы союзов, создан-
ных Франціей в Восточной Европѣ для поддержанія sta-
tus quo. Малая Антанта переживает кризис. Отдѣльные
члены ея, Югославія, Румынія ищут перестраховки, тя-
нутся к сильным, угрожающим сосѣдям. Италія и Герма-
нія, терроризируя хаотическій мір народов центральной и
восточной Европы, объявляют Рим — Берлин осью евро-
пейской политики. Несчастливая Испанія первая почувство-
вала в своем тѣлѣ остріе новой европейской силы.

Сейчас не подлежит сомнѣнію, что возстаніе испан-
ских генералов лѣтом прошлаго года было подготовлено
Германіей, которая поддержала его послѣ немедленнаго
провала и до сих пор, вмѣстѣ с Италіей, не перестает за-
ливать кровью страну. Силы возстанія с самаго начала ока-
зались ничтожными. Солдаты не только не пошли за сво-
ими командирами, но расправились с ними, гдѣ только
могли. Мятеж был бы подавлен немедленно, если бы Гер-
манія не пришла на помощь самолетами, танками, а позже
вмѣстѣ с Италіей — и регулярными частями. Роль Ита-
ліи в этой лицемѣрной интервенціи постепенно росла, и
сейчас является, пожалуй, болѣе значительной, чѣм Гер-
маніи. Сравнительно с ними участіе совѣтской Россіи бы-
ло гораздо скромнѣе, хотя не подлежит сомнѣнію, что
русская авіація в критическій момент спасла Мадрид. Ка-
ковы бы ни были политическія страсти и классовыя про-
тиворѣчія, которыя развязали испанскую трагедію, сейчас
всѣ внутреннія проблемы отошли на задній план. Фаши-
стская интервенція является слабо прикрытым колониаль-
ным завоеваніем. Италія ищет опорных пунктов своей им-
періи в западном бассейнѣ Средиземнаго моря. Германія
прежде всего — желѣзных рудников и, может быть, ис-
панскаго Марокко, которое должно быть началом ея ко-
лоніальной экспансіи. С этой точки зрѣнія, испанская ок-
купация является актом, подобным захвату Абиссиніи.
Безсиліе Англии и Лиги Націй помѣшать разбойничьему

предприятію Муссолини поощрило на большее. Слѣдующим дѣйствіем пиратов явился захват европейской и культурной страны. Европа, бессильная помѣшать насилію, стремится лишь локализовать войну. Организация невмѣшательства, как она проводится Лондоном и Парижем, фактически предоставляет Испанію Гитлеру и Муссолини. Лишь отчаянное сопротивление народной Испаніи, неожиданная героическая защита Мадрида спутала карты и испортила завоевателям удовольствіе этой колониальной экспедиціи.

За Абиссиніей, Испаніей, кто будет третьей жертвой? Общій голос — и прежде всего кампанія германской печати — называет Чехословакію. Занятіе Чехословакіи мыслится при этом как первый прыжок в Россію. Реальна ли, близка ли эта опасность? Здѣсь то и выступает на сцену новый, упомянутый выше фактор: вооруженіе Англии. Полное осуществленіе англійской программы относится к будущему. Но неожиданная рѣшимость, проявленная миролюбивѣйшей из демократій, защищать себя и все, что уцѣлѣло от «Европы», как друга солидарных в защитѣ культуры народов, произвела уже охлаждающее дѣйствіе на авантюристов. Германія сбавила тон, — видимо, потеряла интерес к испанской кампаніи, и стоит на переломѣ своей политики. Ея молчаливость и сдержанность допускают различныя интерпретаціи. Но возможен и пересмотр всей германской политики: новая оріентація на Англию, или, шире, на Запад, с обезпеченіем себѣ каких-то (еще не ясных) колониальных компенсацій.

Как печальна судьба мира в нашей Европѣ, если друзья его должны возлагать послѣднія надежды на вооруженія. Мы знаем, по горькому опыту, лживость принципа: *si vis pacem, para bellum*, приведшаго Европу к 1914 году. Знаем, что вооруженія сами по себѣ являются достаточной причиной войн. Если вооруженія Англии заставили нас вздохнуть свободно, то лишь потому, что они дают передышку. Как Европа воспользуется ею, зависит от нея самой.

Истекшій год не принес значительных измѣненій в баланс фашистско-демократических сил. Восточная и Средняя Европа остаются черным кругом, сжимающим чехословацкую республику. Режим диктатуры сдѣлал успѣхи в Польшѣ, угрожает Румыніи, за то отступает в Венгрии и Югославіи.

Фашизм в Германии, конечно, все еще крѣпок. Интеллигенція, широкія массы еще не утратили безумной вѣры в путь насилія, как выход для національных сил Германии. Международные успѣхи Гитлера поддерживали до сих пор крѣпость режима. Но важно отмѣтить, что признаки охлаждения и недовольства уже накапливаются. Тяжелыя жертвы, которыя приносит страна, сама себя превратившая в военный лагерь и отрѣзавшая себя от хозяйственного общенія с міром, не могут не вызывать недовольства. Населеніе не доѣдает, отказываясь «от масла ради пушек». Правительство не довѣряет рабочим, гдѣ социалистическія традиции оказались неистребимы: выборы в фабрично-заводскіе комитеты не состоялись. Растут случаи демонстрацій и протестов против режима, вчера еще всемогущаго. И в это самое время Гитлер имѣет безтактность — или идеологическій фанатизм — вступить в конфликт с католической церковью. Мы должны были бы сказать — с христианством, если бы раскол в протестантской церкви и конформизм значительной части ея членов не затушевывал внутренняго смысла борьбы: религія государства и расы против религіи Христа. Торжественное осужденіе папой націонал-соціализма, в одной линіи с коммунизмом, имѣет громадное моральное значеніе. Этот акт Пія XI освобождает совѣсть миллионов христиан от бремени сомнѣній, хотя и указывает для нѣмецких католиков тернистый путь исповѣдничества.

Менѣе остр и публичен конфликт между Гитлером и военными кругами, назрѣвающій в послѣднее время. Армія, конечно, не возражает против деспотизма, но у нея есть собственные взгляды на задачи національной обороны. Это расхожденіе сказалось в испанском предпріятіи и, повидимому, оно вынудило Гитлера нѣсколько свернуть

военныя операціи. Пока одержимый пророк націонал-соціализма сохраняет достаточно ума, чтобы повиноваться саблѣ (примиряясь с враждебным ему Людендорфом), его власть спасена. Но тогда она все болѣе превращается в идеологическое прикрытіе военной диктатуры. Так уже проясняется один из путей (повидимому, наиболѣе вѣроятный для Германіи) ликвидаціи расистской революціи. Увы, этот путь не совпадает ни с надеждами демократіи, ни с интересами мира. Но, подводя итоги германской «революціи», несправедливо было бы отрицать ея соціальныя достижения. Мы говорим здѣсь не только о государственном планѣ народнаго хозяйства, но и о перерожденіи классовой структуры общества. Соціальныи демократизм сдѣлал в Германіи большіе успѣхи. Интеллигенція приблизилась к народу. Имущественное неравенство смягчилось. Государство сдѣлало шаг навстрѣчу трудовому идеалу, и соціальное обезпеченіе низших классов не является там пустым звуком, как в коммунистической Россіи.

Фашистская Италія не проявила подобнаго соціально-напряженія. Ея хозяйственная структура почти не отличается от капиталистических стран (буде таковыя еще существуют). Корпоративное государство построено на бумагѣ. Поэтому язвы умирающаго капитализма чувствуются и в Италіи — в той же мѣрѣ, как и повсюду. Вся энергія Муссолини поглочена наважденіем имперіи. Провозгласив себя Имперіей, Италія вступила на путь завоеваній. Ея успѣхи, опьяненіе славой окружают режим извѣстным ореолом. Однако, это и подрывает его прочность. Война, даже счастливая, требует огромнаго напряженія денежных и человѣческих средств — быть может, превышающих возможности итальянскаго народа. Абиссинія далеко еще не покорена, война в Африкѣ вступила в хроническій фазис, и когда еще новая Имперія станет рентабельной? Достаточно серьезной внѣшней неудачи, чтобы режим дал трещину. Имперія Муссолини, гораздо менѣе современная, чѣм «Рейх» Гитлера, очень напоминает имперію Наполеона III. Тот же конец угрожает и ей, хотя сейчас ея вождь еще идет от успѣха к успѣху.

В лагерь демократіи мы имѣем основанія смотрѣть с удовлетвореніем на истекшій год. Год борьбы и усилій, настоящаго и притом безкровнаго строительства. Уже никто не имѣет сейчас права на позорное уравненіе: демократія — капитализм. Из демократій Запада лишь Англія медлит или собирается с силами. Однако, есть признаки, говорящіе о приближеніи Англіи, со всей серьезностью, к постановкѣ соціальной проблемы. В трех странах соціальные «опыты» стоят в центрѣ мірового вниманія. (О других опытах, как, напримѣр, в Швеціи или в Швейцаріи говорят мало). Америка по-прежнему идет впереди, и от результатов ея работы в значительной мѣрѣ зависят судьбы міра. Рузвельт с непредвидѣнным и небывалым триумфом вышел из національнаго испытанія выборов. Можно было опасаться, что его собственная удача, преодоленіе кризиса, смягченіе безработицы, вызванный им дух prosperity — приведут к капиталистической реакціи. «Мавр сдѣлал свое дѣло». Прикоснувшись к священным в Америкѣ интересам капитала, затронув в принципѣ свободу хозяйства, Рузвельт вооружил против себя слишком могущественных врагов. И вот нація огромным большинством своим дала ему мандат на продолженіе опыта. Верховный Суд, опора соціальной реакціи, склонился перед волей народа.

Франклин Рузвельт не доктринер. В этом, безспорно, его сила. Он проводит свой опыт, не провѣряя предвзятую идею, а нащупывая новое, неизвѣстное. Он прав, ибо всѣ готовыя экономическія идеи провалились. Но в этом эмпиризмѣ есть и элемент слабости. Дѣйствуя с разных концов, президент вывел страну из хозяйственнаго кризиса. Однако вся структура стараго общества осталась непоколебленной. Капитализм еще существует, биржа еще хозяйничает, и даже способна гангстерскими приемами спекулятивной игры снова поставить народ на край гибели. Рузвельт видит это и не обольщается новым подъемом. Он признает его спекулятивный характер. Что он предпримет для конструктивнаго преодоленія капитализма, мы не знаем. Знает ли он сам? Пока, главным дости-

женіем перваго періода опыта остается побѣда над экономическим индивидуализмом. В Америкѣ это гигантская сила. Она была еще недавно душой національной жизни. Теперь она убита.

Новое явленіе американской жизни — это возросшая активность рабочаго класса. Непрерывающаяся волна забастовок об этом свидѣтельствует. Движеніе нашло себѣ вождя в лицѣ Джона Льюиса, уведшаго часть рабочих союзов из-под консервативнаго руководства старой Федерациі. Вдали от событий, мы не можем еще оцѣнить по-достоинству новую силу. Она не хочет быть революціонной. Льюис ведет борьбу с коммунизмом. Рост сил рабочаго класса в Америкѣ есть факт, безспорно, положительный. До сих пор капиталистическій мір был много сильнѣе рабочаго. Именно он оказывал главное противодѣйствіе социальным реформам. Стаечное движеніе шло в руслѣ Рузвельтовской политики, для которой повышение рабочаго standard of life и индустриальная демократія являются необходимыми звеньями. Однако, методы борьбы, выходящіе из рамок легальности, вызывают сомнѣнія. Если сила сдѣлается в Америкѣ рѣшающим фактором, и руководство движеніем выпадет из рук правительства, странѣ не миновать гражданской войны. С другой стороны, сепаратныя выступленія рабочаго класса могут разбить единство интересов в лагерь демократіи. Если фермеры выступят против рабочих (признаки чего уже на-лицо), все дѣло Рузвельта погибнет. Классовая борьба в Америкѣ — как и в Германіи, как и всюду — оказывается сильнѣйшим врагом конструктивнаго социализма.

Бельгійскій опыт продолжается, хотя естественно привлекает к себѣ меньше вниманія. Обще-народная коалиція трех партій — католиков, социалистов и либералов, составленная для проведенія социальной реформы, — не распалась. Ван-Зеланд вышел побѣдителем из испытаній. Что касается реформы, то закончена до сих пор лишь финансовая ея часть. Государство стало руководителем всей системы кредита. Остаются задачи гораздо большей важности: организація хозяйственной жизни. В какой мѣ-

рѣ план Де-Мана, вдохновлявшій первые шаги реформаторов, воплотится в жизнь, неизвѣстно. Реформа в Бельгии проводится с большой постепенностью, — можно сказать, медлительностью. Не нам судить работников, в добрую волю которых мы вѣрим. Но эта медлительность, несомнѣнно, привела Бельгію на край очень опаснаго кризиса, из котораго она до сих пор выходит благополучно. С одной стороны, стачки углекопов указывают на недовольство масс. С другой, быстро растущее фашистское движеніе рексистов эксплуатирует, как это недовольство, так и страх буржуазіи перед коммунизмом. В Бельгии мы присутствуем при единоборствѣ двух сил, притягающих на руководство общественной реформой: фашизма и демократіи. Дегрель обладает всѣми качествами, которыя дѣлают вождя популярным для масс: энергіей, вѣрой в себя, безстрашіем в обличеніи социальных язв. К сожалѣнію, Ван-Зеланд, человек науки, а не трибуны, не обладает темпераментом бойца и демагога. Он едва не выпустил из рук руля. К счастью, здравый смысл народа сдѣлал свой выбор. Дегрель потерпѣл жестокое разочарованіе на Брюссельских выборах. Но и демократія должна вынести из пережитаго кризиса урок для себя: она не может работать в кабинетах, без постоянной связи с массами; ощущеніе пульса народной жизни, народнаго воженія должно передаваться ей и опредѣлять темп ея работы.

Послѣ опытов Рузвельта и Ван-Зеланда — опыт Блюма. Но можно ли говорить об опытѣ Блюма в том же, социальном смыслѣ? Признаюсь, на исходѣ перваго года, мы в этом сомнѣваемся. Блюм произвел много реформ — социальных, демократических, справедливых: положеніе рабочаго класса серьезно улучшилось, — в рамках капитализма. Сокращеніе трудового дня и трудовой недѣли, двухнедѣльные каникулы, ограниченіе власти патрона на заводѣ властью синдиката, — все это давно назрѣвшія реформы, но большей частью осуществленныя в передовых странах капитализма еще в XIX столѣтіи. Из органических реформ можно назвать, пожалуй, нормировку сельскаго хозяйства — его продукціи и его цѣн. Ставит ли перед со-